

Ars Administrandi (Искусство управления). 2024. Т. 16, № 1. С. 172–197.

Ars Administrandi. 2024. Vol. 16, no. 1, pp. 172–197.

Научная статья

УДК 336.22

<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2024-1-172-197>

ИНВЕСТИЦИОННЫЕ НАЛОГОВЫЕ ЛЬГОТЫ В РОССИИ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Миляуша Рашитовна Пинская¹, Юлия Александровна Стешенко²✉

^{1,2} Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации, Москва, Россия

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

¹ mpinskaya@nifi.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9328-1224>

² stshenko@nifi.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-6511-6026>

Аннотация. Введение: налоговое стимулирование является важной частью современной налоговой системы. Несмотря на многолетние обсуждения вопроса о необходимых масштабах применения налоговых стимулов инвестиционной направленности, однозначного ответа до сих пор дано не было. Важной российской особенностью является многообразие и сложность дизайна налоговых льгот, что может привести к снижению их прозрачности, препятствовать четкому пониманию механизма их воздействия и стать угрозой налоговой безопасности государства. Это подчеркивает важность и актуальность детального анализа конструкции инвестиционных налоговых льгот. **Цель:** провести анализ и инвентаризацию действующих в России инвестиционных налоговых льгот (ИНЛ) и выработать направления совершенствования правительственного Перечня ИНЛ. Подобный анализ в отечественных научных исследованиях отсутствует. **Методы:** сравнительный анализ нормативных правовых актов, сбор и анализ количественных данных, структурный анализ, системный подход. **Результаты:** выявлено, что ИНЛ можно классифицировать в зависимости от наличия условия осуществления определенного объема инвестиций, при этом минимальный требуемый размер капитальных вложений существенно дифференцирован в зависимости от типа преференциального режима, а также от региона. В то же время ограничение на максимально допустимую величину недопоступлений в связи с применением ИНЛ редко коррелирует с объемом осуществленных инвестиций. Хотя налоговые расходы, возникающие в результате использования налоговых льгот инвестиционной направленности, имеют существенный удельный вес в объемах недополученных налоговых доходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации. **Выводы:** выявлены следующие особенности ИНЛ: они приводят к сокращению налоговой нагрузки налогоплательщика; могут быть направлены не только на стимулирование инвестиционной активности, но и на достижение других целей экономической политики; их применение влечет налоговые расходы государства.

Ключевые слова: преференциальный налоговый режим, налоговая безопасность, налоговая система, отрасли экономики, меры поддержки экономики, инвестиции, налоговые расходы

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10160, <https://rscf.ru/project/23-78-10160/>.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Для цитирования: Пинская М. Р., Стешенко Ю. А. Инвестиционные налоговые льготы в России: законодательное регулирование // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2024. Т. 16, № 1. С. 172–197. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2024-1-172-197>.

Original article

INVESTMENT TAX INCENTIVES IN RUSSIA: LEGISLATIVE REGULATION

Milyausha R. Pinskaya¹, Yuliya A. Steshenko²✉

^{1,2} Financial Research Institute, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹ mpinskaya@nifi.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9328-1224>

² steshenko@nifi.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-6511-6026>

Abstract. Introduction: tax incentives are an important part of the modern tax system. Despite many years of discussion on the extent to which investment-oriented tax incentives are needed, no clear answer has yet been provided. An important feature of the Russian Federation is the variety and complexity of tax incentives design, which can reduce transparency, as well as prevent a clear understanding of impact mechanism and become a threat to the tax security of the state. This emphasizes the importance and relevance of a detailed analysis into the investment tax incentives design. **Objectives:** to conduct an analysis and inventory of investment tax incentives in Russia and to develop guidelines for improving the List of Investment Tax Incentives. Such analysis is not yet available in domestic research. **Methods:** comparative analysis of normative legal documents, collection and analysis of quantitative data, structural analysis, system approach. **Results:** it was found that all investment tax incentives can be classified according to the presence of a certain investment condition. However, the minimum required capital investment varies considerably from one type of preferential treatment to another and from region to region. At the same time, the limit on the maximum permissible amount of underpayments resulting from investment tax incentives introduction rarely correlates with the volume of investments made, even though the level of tax expenditures produced by investment-oriented tax benefits accounts for a significant proportion of the tax revenues in the Russian Federation budget system. **Conclusions:** the study revealed the following key features of investment tax incentives: these lead to a reduction in the tax burden of the taxpayer; can be aimed not only at stimulating investment activity, but also used for other economic policy objectives; their application creates tax expenditures for the state.

Keywords: preferential tax regime, tax expenditures, tax security, tax system, branches of economy, measures to support the economy, investment

Acknowledgements: the study was funded through the Russian Science Foundation grant no. 23-78-10160, <https://rscf.ru/project/23-78-10160/>.

For citation: Pinskaya, M. R. and Steshenko, Yu. A. (2024), "Investment tax incentives in Russia: Legislative regulation", *Ars Administrandi*, vol. 16, no. 1, pp. 172–197, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2024-1-172-197>.

ВВЕДЕНИЕ

Анализ и оценка эффективности налоговых расходов, возникающих в результате применения налоговых льгот, проводятся в России уже более пяти лет; несмотря на это, диагностика именно инвестиционных налоговых льгот и преференциальных налоговых режимов ранее не осуществлялась. В 2022 году в Основных направлениях бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов¹ были представлены результаты анализа 35 инвестиционных налоговых льгот, из которых 12 – преференциальные налоговые режимы и 23 – отдельные инвестиционные налоговые льготы. Перечень всех инвестиционных налоговых льгот не представлен, однако описаны результаты оценки эффективности таких преференциальных налоговых режимов, как особые экономические зоны (ОЭЗ), территории опережающего социально-экономического развития (ТОР), региональные инвестиционные проекты (РИП), специальные инвестиционные контракты (СПИК), Свободный порт Владивосток (СПВ), режим для резидентов Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) и инвестиционный налоговый вычет (ИНВ), а также выделены налоговые льготы, которые относятся к инвестиционным и используются в рамках каждого указанного выше преференциального налогового режима. В дальнейшем, когда речь будет идти об инвестиционных налоговых льготах, описанных в Основных направлениях бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов², мы будем использовать словосочетание «Перечень ИНЛ».

Механизм преференциальных режимов в разных странах мира применяется на протяжении многих лет и считается эффективным инструментом достижения целей инвестиционной политики. Такие преференциальные режимы, как специальные (особые) экономические зоны, наиболее распространены в развивающихся странах, например в Таджикистане и Узбекистане, а также в Китае. В России преференциальные режимы современной конструкции начали использоваться в 2005 году. Это был режим ОЭЗ. В дальнейшем были разработаны и внедрены такие режимы, как ТОР, РИП, СПИК и др. В качестве основных целей применения преференциальных налоговых режимов и отдельных инвестиционных налоговых льгот (далее – ИНЛ) можно назвать рост в стране инвестиционной и инновационной активности, создание новых и высокотехнологичных рабочих мест, поддержку занятости населения, развитие приоритетных отраслей и регионов России.

¹ Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов [Электронный ресурс] // М-во финансов Рос. Федерации. 2022. С. 18–19. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2022/10/main/Osn_2023-2025.pdf (дата обращения: 28.09.2023).

² Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов [Электронный ресурс] // М-во финансов Рос. Федерации. 2021. 75 с. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2021/09/main/ONB-NiTPP_2022-2024.pdf (дата обращения: 28.09.2023).

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

В литературе вопросам функционирования преференциальных налоговых режимов и инвестиционных налоговых льгот уделяют внимание ученые, осуществляющие как экономические (Шаталов, 2022; Пансков, 2023; Булатова, 2021; Сердюкова, 2023; Какаулина и Горлов, 2022; Ильина, 2021; Громов, 2023), так и юридические исследования (Пономарева, 2022; Федосимов, 2021; Микулин, 2023), однако комплексно эти вопросы в российской науке ранее не рассматривались. С недавних пор изучением методологии инвестиционных налоговых стимулов занялись международные организации. основополагающим в данной области можно считать исследование, выполненное Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в 2022 году. Его авторы А. Целани, Л. Дресслер и М. Вермелингер определяют налоговые льготы как целевые налоговые положения, предусматривающие отклонения от стандартного налогового режима в стране, которые являются благоприятными для налогоплательщика, с целью поощрения определенного поведения (Celani et al., 2022, p. 14). При этом исследователи указывают, что ИНЛ обладают несколькими ключевыми особенностями:

- являются целевыми, то есть предоставляются конкретной группе налогоплательщиков (например, исходя из вида деятельности, сектора экономики или местонахождения бенефициара);
- приводят к сокращению налоговой нагрузки налогоплательщика и, как следствие, к возникновению недополученных налоговых доходов государства;
- направлены на стимулирование инвестиционной активности, в том числе в отношении прямых иностранных инвестиций, и способны влиять на качество и результативность инвестиций.

Важно отметить, что ОЭСР к инвестиционным налоговым льготам относит только льготы по корпоративному налогу на доход (Corporate income tax), и это является четвертой ключевой особенностью.

Авторы вышеуказанного исследования опирались на труды ряда ученых, изучающих механизмы конкретных ИНЛ в определенных странах, например в Латинской Америке и Африке (Klemm and Van Parys, 2012), в Азиатско-Тихоокеанском регионе (Botman et al., 2010; Wiedemann and Finke, 2015).

На базе ОЭСР создана база данных инвестиционных налоговых стимулов. Согласно документу ОЭСР³:

- ИНЛ являются наиболее широко используемым инструментом стимулирования по корпоративному налогу на доходы в развивающихся странах и в странах с переходной экономикой;
- дизайн налоговых льгот зависит от уровня доходов страны, в странах с низким уровнем дохода чаще всего используются пониженные налоговые ставки;
- большинство стран используют отраслевые или географические условия для предоставления ИНЛ;

³ OECD investment tax incentives database – 2022 update: Tax incentives for sustainable development [Online] // Official website of OECD. 2022. 22 p. URL: <https://www.oecd.org/tax/oecd-investment-tax-incentives-database-2022-update-brochure.pdf> (Accessed Sept., 10, 2023).

- управление ИНЛ является сложным процессом;
- более трети из рассматриваемых в базе стимулов относятся к целям устойчивого развития.

В ряде исследований доказано, что изменения в налоговой политике могут серьезно влиять на уровень инвестиционной активности компаний (Auerbach and Hassett, 1991; Cummins et al., 1994; Desai and Goolsbee, 2004; Cohen and Cummins, 2006; House and Shapiro, 2008; Edgerton, 2010; Zwick and Mahon, 2017). При этом затраты и выгоды от использования ИНЛ напрямую зависят от их конструкции и контекста. Эмпирические данные о преимуществах налоговых стимулов ограничены, но в целом считается, что налоговые льготы, основанные на расходах, например налоговые вычеты, стимулируют инвестиционную активность более эффективно по сравнению с пониженными ставками по налогу на доход (Chai and Goyal, 2008; Klemm and Van Parys, 2012). Согласно ряду исследований, в развитых странах получены доказательства большей эффективности налоговых льгот по расходам на НИОКР по сравнению с налоговыми льготами по налогу на доход (Hall, 2019; Guceri and Liu, 2019; Appelt et al., 2016; Gaessler et al., 2018).

В исследовании ОЭСР сообщается, что самая низкая налоговая нагрузка наблюдается в связи с применением инвестиционных налоговых льгот в рамках специальных (особых) экономических зон: в среднем налогоплательщики уплачивают 65 % от уровня налоговых платежей при использовании стандартного налогового режима. Следует также отметить, что именно в СЭЗ чаще всего в качестве способа стимулирования используются налоговые инструменты. Однако если налоговые льготы доступны исключительно в СЭЗ, это может привести к существенному росту налогового клина между стандартным налоговым режимом и режимом, используемым в СЭЗ. Поскольку СЭЗ применяются в абсолютном большинстве стран, ученые довольно часто выбирают их в качестве объекта исследования. Например, в Китае рассмотрению вопросов функционирования особых (специальных) экономических зон уделяется особое внимание. Имин Юань и Хэ Лэй в результате изучения влияния прямых иностранных инвестиций, произведенных в Шэньчжэньской специальной экономической зоне, на занятость населения в различных отраслях сделали вывод о постепенном ослаблении степени их воздействия (Yuan and Lei, 2020, p. 19). Ян Лисинь на основании анализа функционирования СЭЗ в Шэньчжэне были предложены направления совершенствования механизмов ее действия в долгосрочном периоде (Lixun, 2020, p. 57).

В России особые экономические зоны являются преференциальным налоговым режимом, их резиденты имеют право использовать сразу несколько налоговых льгот по различным налогам. И это находит отражение в трудах ученых, рассматривающих теоретические экономико-правовые основы и проблемы создания и функционирования ОЭЗ на территориях Российской Федерации, в том числе в регионах Дальневосточного федерального округа (Эляков, 2022), а также вопросы эффективности данного преференциального налогового режима (Салех, 2022; Фролкова и Купрещенко, 2023; Конищева, 2021; Плотникова, 2022).

Определение «инвестиционная налоговая льгота» в российском налоговом законодательстве не закреплено. Исходя из этого «инвестиционными» признаются налоговые льготы, предусмотренные законодательством о налогах и сборах и установленные с целью стимулирования инвестиций на территории Российской Федерации. Термин «преференциальный налоговый режим» тоже не отражен в российских нормативных правовых актах, однако активно используется как учеными, так и органами исполнительной власти. В данном исследовании под преференциальным налоговым режимом мы будем понимать систему ИНЛ и преференций, которую вправе использовать определенная категория налогоплательщиков. Следует отметить, что преференциальный налоговый режим также является инвестиционной налоговой льготой.

В России за последние десять лет происходило много обновлений в области регулирования налоговых льгот. В частности, в нормативных правовых актах уже зафиксировано такое определение: «стимулирующие налоговые расходы Российской Федерации – это целевая категория налоговых расходов Российской Федерации, предполагающих стимулирование экономической активности субъектов предпринимательской деятельности и последующее увеличение доходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации»⁴, оценка эффективности которых должна проводиться кураторами налоговых расходов. Несмотря на это, комплексно вопросы применения ИНЛ не рассматриваются.

Цель настоящего исследования – провести анализ и инвентаризацию действующих в России инвестиционных налоговых льгот и выработать направления совершенствования правительственного Перечня ИНЛ.

Гипотеза исследования состоит в том, что инвестиционные налоговые льготы в России обладают теми характеристиками, которые выделены в трудах ОЭСР.

Для достижения поставленной цели в работе были решены следующие задачи:

- рассмотрены особенности инвестиционных налоговых льгот, входящих в Перечень ИНЛ;
- проведен анализ ряда преференциальных налоговых режимов на предмет выявления используемых в рамках каждого режима налоговых льгот;
- классифицированы преференциальные налоговые режимы и отдельные инвестиционные налоговые льготы, указанные в Перечне ИНЛ, по критерию наличия обязательства об определенном уровне осуществленных инвестиций;
- оценен уровень налоговых расходов, возникших в результате функционирования преференциальных налоговых режимов и отдельных инвестиционных налоговых льгот.

⁴ Правила формирования перечня налоговых расходов Российской Федерации [Электронный ресурс]: утв. Постановлением Правительства Рос. Федерации от 12.04.2019 № 439. URL: <https://docs.cntd.ru/document/554207390> (дата обращения: 22.02.2023).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Подробное рассмотрение инвестиционных налоговых льгот позволило разделить их на две группы.

Первая группа преференциальных налоговых режимов и отдельных ИНЛ

В первую группу вошли режимы, использование которых возможно только с условием осуществления определенного объема инвестиций. Чаще всего эта обязанность закрепляется в соглашении между налогоплательщиком и государственными органами, в некоторых случаях в соглашении также может быть указано количество созданных рабочих мест. Минимальная величина инвестиций закреплена в нормативных правовых актах на федеральном уровне – например, для резидентов промышленно-производственной ОЭЗ или для резидентов ТОР. Так, согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 16 марта 2018 года № 263 «О создании территории опережающего социально-экономического развития “Зверево”»⁵ для резидентов ТОР «Зверево» минимальный объем капитальных вложений составляет 2,5 млн рублей, а количество созданных рабочих мест – не менее 10 единиц.

Подробно минимальные объемы инвестиций, необходимые для использования преференциальных налоговых режимов, представлены на рисунке 1, анализ которого позволяет заключить, что минимальный объем инвестиций существенно дифференцирован в зависимости от типа преференциального режима, а также от региона. Например, для того, чтобы стать резидентом ОЭЗ Калининградской области, объем капитальных вложений не может быть менее 150 млн рублей, в то время как для резидентов Магаданской области данная величина составляет всего 5 млн рублей.

Преференциальный налоговый режим ОЭЗ впервые был установлен в 2005 году и функционирует в России по настоящее время. Для того чтобы стать резидентом ОЭЗ, необходимо заключить соглашение о деятельности с федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным Правительством Российской Федерации. В соглашении устанавливается вид экономической деятельности (ВЭД), а также сроки, объемы инвестиций и капитальных вложений, которые обязан осуществить резидент. Минимальный объем и сроки зависят от типа ОЭЗ⁶.

В технико-внедренческих ОЭЗ минимальный уровень инвестиций Федеральным законом от 22 июля 2005 года № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» не установлен. Однако существуют ограничения на виды деятельности, которые могут осуществляться резидентами ОЭЗ. Согласно этому же закону к запрещенным ВЭД относятся добыча полезных ископаемых и производство и переработка подакцизных товаров. Однако Правительство Российской Федерации может расширить данный перечень.

⁵ О создании территории опережающего социально-экономического развития «Зверево» [Электронный ресурс]: Постановлению Правительства Рос. Федерации от 16.03.2018 № 263. URL: <https://docs.cntd.ru/document/556828319> (дата обращения: 22.02.2023).

⁶ Об особых экономических зонах в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901941445> (дата обращения: 10.09.2023).

Преференциальный налоговый режим	Минимальный объем инвестиций / Особенности
ОЭЗ	120 млн руб. для резидента промышленно-производственной ОЭЗ - для резидентов портовой ОЭЗ минимальный объем капитальных вложений не может составлять менее 400 млн руб. при строительстве объектов инфраструктуры морского порта, речного порта или аэропорта
РИП	50 млн руб. в срок, не превышающий трех лет 500 млн руб. в срок, не превышающий пяти лет
СПИК	- для СПИК 2.0 не установлен - для СПИК 1.0 составляет 750 млн руб
СПВ	не менее 500 тыс. руб. в срок, не превышающий трех лет
Резидент Арктической зоны	не может быть менее 1 млн руб.
ОЭЗ Калининградская область	- не может быть менее 150 млн руб. в срок, не превышающий трех лет - в случае реализации инвестиционного проекта по созданию обрабатывающего производства объем капитальных вложений не может быть менее 50 млн руб. в срок, не превышающий трех лет
СЭЗ Крым	- не может быть менее 60 млн руб. - минимальный объем капитальных вложений не может быть менее 6 млн руб. для СМП
ОЭЗ Магаданская область	- не может быть менее 5 млн руб. в срок, не превышающий трех лет для участника, осуществляющего деятельность по добыче полезных ископаемых - для участника, осуществляющего иные виды деятельности, минимальный объем инвестиций, не может быть менее 3 млн руб. в срок, не превышающий трех лет
ТОР	устанавливается решением Правительства РФ
ТОР моногорода	не может быть менее 2,5 млн руб. в течение первого года

Рис. 1. Минимальный объем инвестиций, необходимый для использования преференциальных налоговых режимов / Fig. 1. Minimum investment required to benefit from preferential tax regimes

Источник: составлено авторами на основе российского законодательства.

Таким образом, законодательством предусмотрено всего два основных критерия – объем инвестиций и определенный вид экономической деятельности, выполнение которых позволяет стать резидентом ОЭЗ и получить право использования особых преимуществ, основные из которых ИНЛ и таможенные преференции. В рамках преференциального режима ОЭЗ резиденты вправе использовать налоговые льготы по налогу на прибыль организаций, налогу на имущество организаций, земельному налогу, страховым взносам, а также по НДС и таможенным платежам.

По данным, представленным на рисунке 2, объем налоговых расходов, возникших в результате использования резидентами ОЭЗ инвестиционной налоговой льготы по налогу на прибыль, в 2021 году составил 8 млрд рублей, из которых 611 млн рублей – это недопоступления в федеральный бюджет, а 7,4 млрд – в региональные бюджеты. В 2021 году по сравнению с 2019-м объем налоговых расходов по налогу на прибыль увеличился в два раза. Столь же существенно увеличился размер недопоступлений по налогу на имущество организаций: темп роста в 2021 году составил 120 %. По данным Минфина России, уровень налоговых расходов, возникших в результате использования ИНЛ резидентами ОЭЗ, будет расти ежегодно. По прогнозу, в 2025 году только по налогу на прибыль федеральный бюджет и бюджеты субъектов Российской Федерации недополучат свыше 12 млрд рублей. Пониженные тарифы страховых взносов, установленные подпунктом 2 пункта 1 статьи 427 части второй Налогового кодекса Российской Федерации, также включены в Перечень ИНЛ, однако уровень налоговых расходов по данной категории Минфином России не отражается в официальной статистике (последние опубликованные данные в размере 712 млн рублей относятся к 2019 году).

Еще одним примером преференциальных налоговых режимов первой группы является режим РИП. Согласно действующему законодательству, деятельность участников региональных инвестиционных проектов регламентируется Налоговым кодексом Российской Федерации, а также региональными нормативными правовыми актами. Производство товаров считается производством в результате реализации РИП, и его участники вправе получать соответствующие преференции от государства, если выполняются установленные в законодательном порядке требования по месторасположению участника РИП, объему капитальных вложений, а также ограничениям по видам деятельности. Субъекты Российской Федерации могут устанавливать дополнительно иные требования. Особенность данного режима состоит в том, что сумма предоставляемых налоговых льгот по налогу на прибыль и налогу на добычу полезных ископаемых (НДПИ) ограничена объемом капитальных вложений, осуществленных налогоплательщиком – участником РИП.

На рисунке 3 представлены объемы налоговых расходов (факт, оценка, прогноз), возникших в результате применения налоговых льгот участниками РИП. В общем объеме налоговых расходов их удельный вес составил в 2020 году 0,5 %, а в абсолютном выражении – 33,24 млрд рублей.

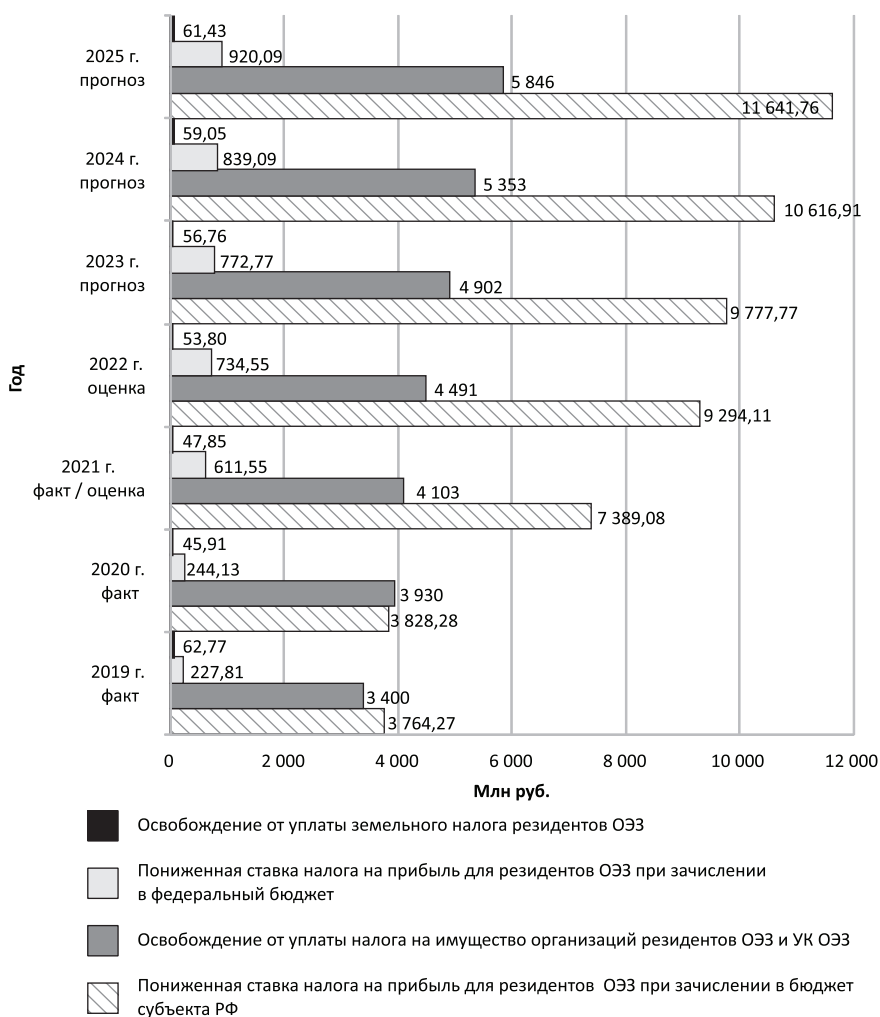

Рис. 2. Динамика объемов налоговых расходов, возникших в результате применения ИНЛ резидентами ОЭЗ / Fig. 2. Dynamics of the tax expenditures resulting from the application of investment tax incentives by the SEZ residents

Источник: здесь и далее (рис. 1–8) составлено авторами по данным Минфина России⁷.

⁷ Информация о нормативных, целевых и фискальных характеристиках налоговых расходов Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт М-ва финансов Рос. Федерации. 2022. 1 окт. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=300479 (дата обращения: 10.08.2023).

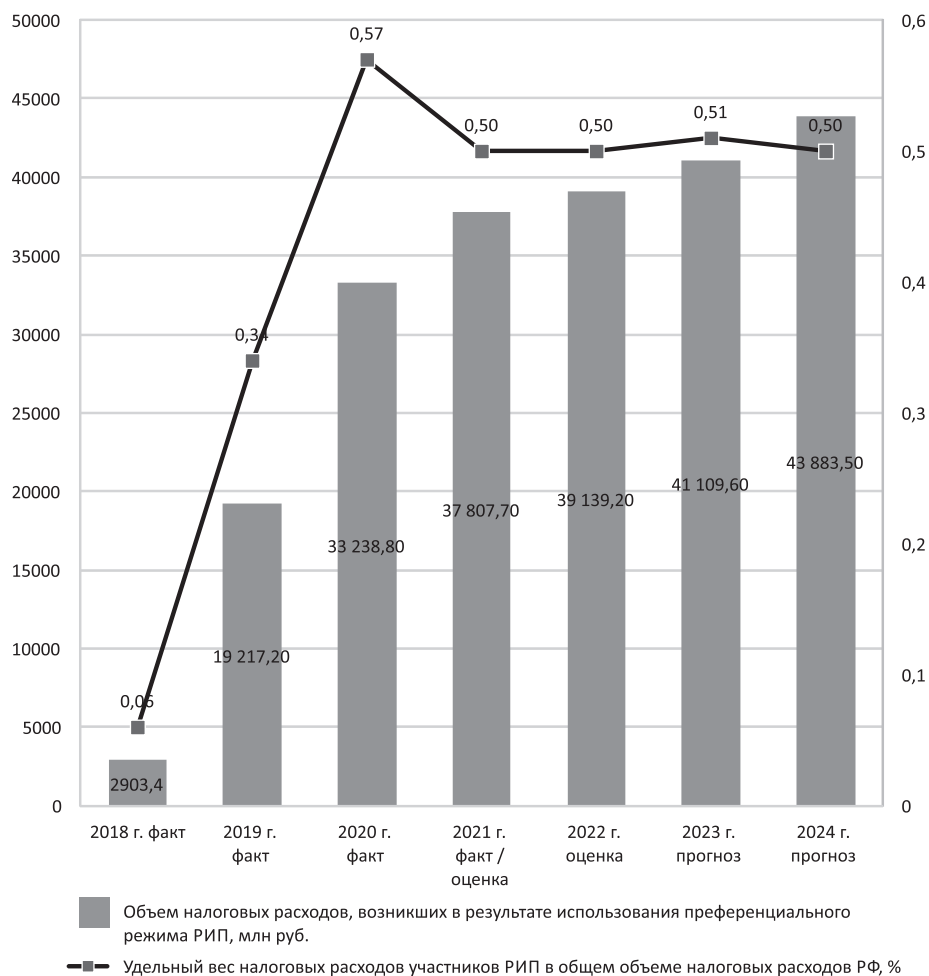

Рис. 3. Объем налоговых расходов, возникших в результате использования преференциального режима РИП / Fig. 3. Volume of tax expenditures resulting from the preferential tax treatment of regional investment projects

Еще одним весьма распространенным преференциальным режимом является ТОР. Существует два типа территорий опережающего развития: ТОР на территории Дальневосточного федерального округа и ТОР моногорода и ЗАТО. Для резидентов ТОР налоговым законодательством предусмотрены следующие налоговые льготы:

- освобождение от уплаты налога на имущество организаций и земельного налога;
- пониженная ставка налога на прибыль при зачислении в федеральный бюджет;
- пониженная ставка налога на прибыль при зачислении в бюджет субъекта Российской Федерации;
- пониженные тарифы страховых взносов;
- пониженная ставка НДС.

В результате применения вышеуказанных налоговых льгот величина налоговых расходов по оценкам Минфина России в 2023 году составила 34,9 млрд рублей, в том числе 23,9 млрд рублей в результате применения налоговых льгот резидентами ТОР на территории Дальневосточного федерального округа и 11 млрд руб. налоговых расходов, возникших в результате применения налоговых льгот резидентами ТОР в моногородах и ЗАТО. В 2025 году объем налоговых расходов по прогнозам превысит значение в 40 млрд рублей, темп роста налоговых расходов в 2025 года по сравнению с 2023-м составит 115 %.

Таким образом, общий объем недополученных налоговых доходов бюджетов бюджетной системы РФ в связи с применением ИНЛ, входящих в первую группу, в 2021 году достиг 141 млрд рублей, при этом свыше 30 % налоговых расходов приходилось на преференциальный налоговый режим РИП. Согласно прогнозу Минфина России, сумма налоговых расходов будет увеличиваться ежегодно и в 2025 году составит около 180 млрд рублей (рис. 4).

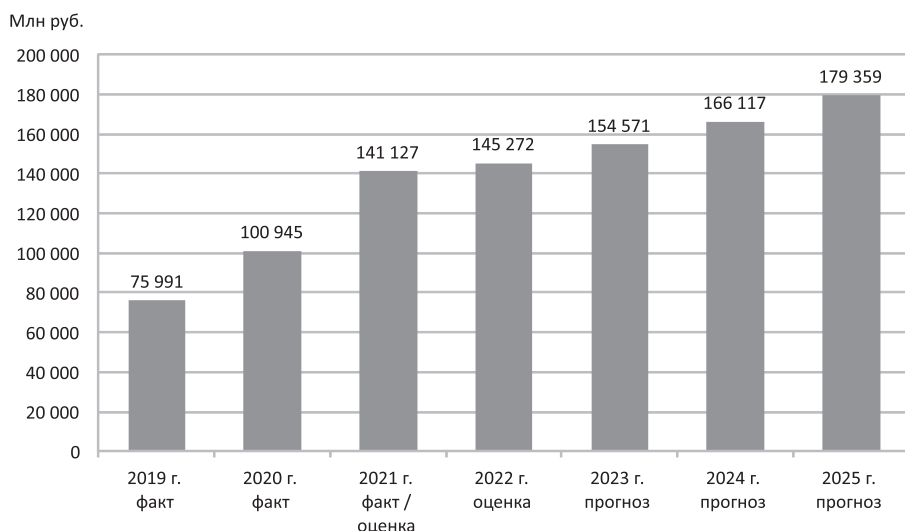

Рис. 4. Объем налоговых расходов, возникших в результате применения инвестиционных налоговых льгот, входящих в первую группу / Fig. 4. Volume of tax expenditures arising from the application of investment tax credits in the first group

Вторая группа преференциальных налоговых режимов и отдельных ИНЛ

В Основных направлениях бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов наряду с преференциальными налоговыми режимами также рассматривается инвестиционный налоговый вычет (ИНВ). Таким образом, ко второй группе можно отнести ИНЛ, при использовании которых налогоплательщик не заключает определенных соглашений с государственными органами об обязанности осуществления инвестиций и реализации других параметров. Несмотря на это, для государства целью внедрения таких режимов или ИНЛ может стать: стимулирование производства и добычи полезных ископаемых, повышение рен-

табельности и инвестиционной привлекательности разработки конкретных участков месторождений, увеличение объема инвестиций и др.

Инвестиционный налоговый вычет вводится по решению субъекта Российской Федерации и предполагает уменьшение суммы налога к уплате в региональный бюджет на сумму до 90 % расходов на инвестиции в основные средства и в федеральный бюджет – на сумму до 10 % расходов. Основная задача введения ИНВ состояла в том, чтобы способствовать достижению цели по увеличению доли инвестиций в ВВП до 25 % к 2024 году. В результате в 2021 году объем налоговых расходов в связи с предоставлением ИНВ существенно увеличился по сравнению с уровнем 2020 года (рис. 5). Произошло это в том числе за счет существенного прироста количества регионов, использующих данный стимул.

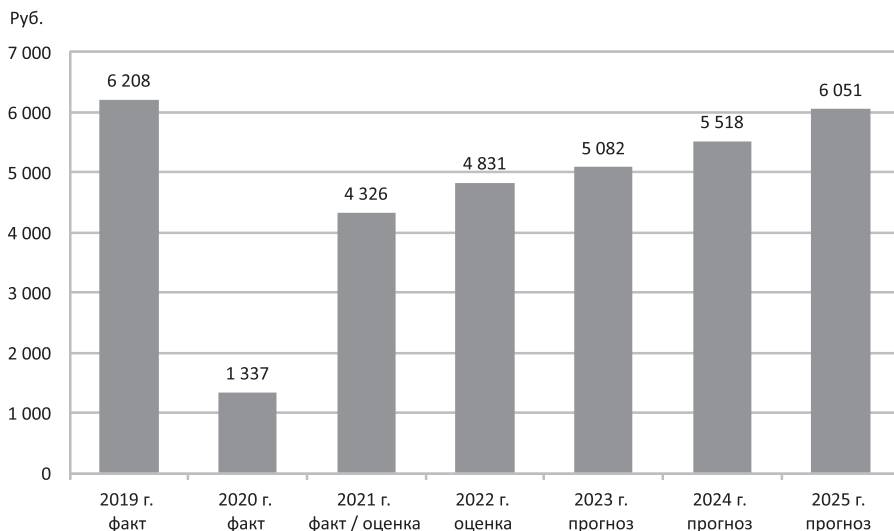

Рис. 5. Динамика объемов налоговых расходов, возникших в результате использования ИНВ в части налога, подлежащего зачислению в федеральный бюджет / Fig. 5. Volume of tax expenditures resulting from the use of the investment tax deduction in the part of the tax to be credited to the federal budget

В Основных направлениях бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов, помимо вышеуказанных преференциальных налоговых режимов и ИНВ, другие инвестиционные налоговые льготы не рассматривались.

Перечень ИНЛ включает все преференциальные налоговые режимы, действующие в настоящее время в Российской Федерации и направленные на достижение целей повышения инвестиционного потенциала, наращивания темпов инвестиционной активности организаций, а также способствующие достижению целей государства в области добычи полезных ископаемых и разработки месторождений.

Несмотря на вполне исчерпывающий Перечень ИНЛ, на основании анализа налогового законодательства следует также выделить иные налоговые льготы инвестиционной направленности:

1. Комплексная льгота для налогоплательщиков, осуществляющих деятельность по производству сжиженного природного газа (далее – СПГ), которая включает льготы по НДС и налогу на прибыль организаций. В марте 2021 года Правительство Российской Федерации утвердило долгосрочную программу развития производства СПГ, в соответствии с которой рост объемов производства СПГ до 2035 года в рамках низкого сценария достигнет значений 80 млн тонн в год, а в рамках высокого сценария – 140 млн тонн в год⁸. Для роста конкурентоспособности российского СПГ на мировом рынке и повышения его доли с 5 до 8 % в газовой отрасли реализуется ряд мер поддержки, среди которых предоставление ИНЛ.

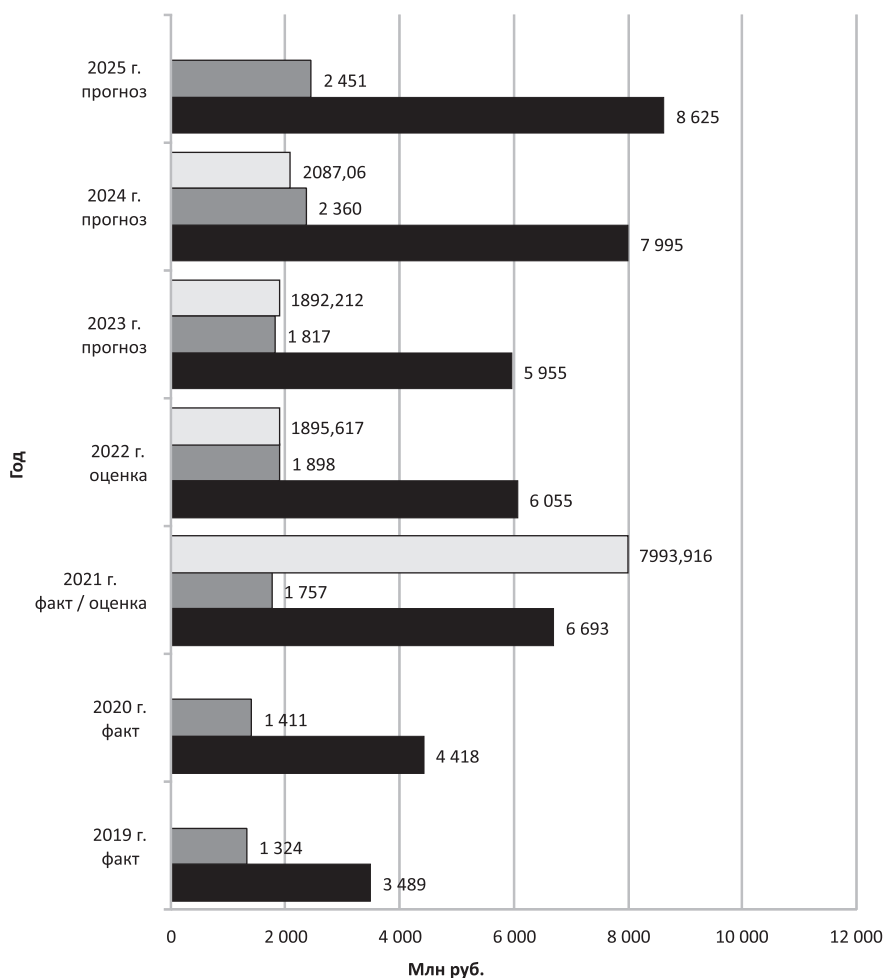
Комплексная ИНЛ для налогоплательщиков, осуществляющих деятельность по производству СПГ, применяется лишь в нескольких субъектах Российской Федерации, в частности в Ямало-Ненецком автономном округе, Архангельской области, Красноярском крае, Республике Саха – Якутия, и устанавливает ограничение на добычу газового конденсата до 20 млн тонн и газа горючего природного до 250 млрд куб. м в течение 12 лет с момента первой реализации по пониженной налоговой ставке НДС. Объемы налоговых расходов, возникших в результате применения комплексной ИНЛ для налогоплательщиков, осуществляющих деятельность по производству СПГ на участках недр Ямало-Ненецкого автономного округа, отражены на рисунке 6. Основная доля недопоступлений в 2021 году пришлась на ИНЛ по налогу на прибыль организаций – объем составил около 8 млрд рублей; налоговые расходы, возникшие в связи с использованием пониженных ставок по НДС, составили 8,4 млрд рублей (по двум видам газа).

Налоговые льготы и преференциальные налоговые режимы чаще всего направлены на стимулирование определенных приоритетных видов деятельности в рамках реального сектора экономики. ИНЛ предоставляются в первую очередь для повышения инвестиционной привлекательности добычи нефти, газа, кондиционных руд, олова и других полезных ископаемых, а также с целью создания благоприятных условий для налогоплательщика при осуществлении инвестиций в воспроизводство минерально-сырьевой базы. В частности, в Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года обозначено, что обеспечение замещения выбывающих из-за истощения месторождений объемов добычи нефти, а также более высокие темпы прироста добычи с последующим удержанием достигнутого уровня возможны прежде всего за счет налоговых мер⁹. Согласно Стратегии развития минерально-сырьевой базы Российской Федерации до 2035 года государственная поддержка при помощи налоговых режимов также должна способствовать формированию минерально-сырьевой базы действующих и перспективных минерально-сырьевых центров¹⁰.

⁸ Долгосрочная программа развития производства сжиженного природного газа в Российской Федерации [Электронный ресурс]: утв. Распоряжением Правительства Рос. Федерации от 16.03.2021 № 640-п. URL: <https://docs.cntd.ru/document/573955191> (дата обращения: 10.08.2023).

⁹ Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года [Электронный ресурс]: утв. Распоряжением Правительства Рос. Федерации от 09.06.2020 № 1523-р. URL: <https://docs.cntd.ru/document/565068231> (дата обращения: 10.07.2023).

¹⁰ Стратегия развития минерально-сырьевой базы Российской Федерации до 2035 года [Электронный ресурс]: утв. Распоряжением Правительства Рос. Федерации от 22.12.2018 № 2914-р. URL: <https://docs.cntd.ru/document/552051127> (дата обращения: 10.07.2023).

- Пониженная (13,5%) ставка налога на прибыль для налогоплательщиков, осуществляющих деятельность по производству СПГ и (или) по переработке УВС в товары, являющиеся продукцией нефтехимии, на новых производственных мощностях
- Пониженная ставка НДС при добыче газового конденсата на участках недр, расположенных полностью или частично на полуостровах Ямал и (или) Гыданский в Ямало-Ненецком автономном округе, используемого исключительно для производства СПГ
- Пониженная ставка НДС при добыче газа горючего природного на участках недр, расположенных полностью или частично на полуостровах Ямал и (или) Гыданский в Ямало-Ненецком автономном округе, используемого исключительно для производства СПГ

Рис. 6. Динамика объемов налоговых расходов, возникших в результате применения комплексной льготы для налогоплательщиков, осуществляющих деятельность по производству СПГ на участках недр Ямало-Ненецкого автономного округа /
 Fig. 6. Dynamics of the volumes of tax expenditures that resulting from the application of a comprehensive concession for taxpayers engaged in the production of liquefied natural gas in the subsoil areas of the Yamal-Nenets Autonomous Okrug

2. Комплексная ИНЛ для налогоплательщиков, уплачивающих налог на дополнительный доход от добычи (НДД) углеводородного сырья.

НДД начал действовать в 2019 году, к основным причинам его введения относят:

- стимулирование разработки новых месторождений и повышение инвестиционной привлекательности разработки истощенных и нетрадиционных запасов углеводородного сырья;
- повышение рентабельности труднодоступных участков недр;
- увеличение объемов добычи нефти и газа;
- пополнение доходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации;
- необходимость сокращения большого количества налоговых льгот и послаблений, действующих в сфере добычи полезных ископаемых.

По оценкам Минфина России, в 2021 году объем налоговых расходов, возникших в результате использования ИНЛ по НДД, составил 689 млрд рублей, а темп роста в 2021 году по сравнению с 2020-м – 178 %. Такой существенный объем связан в первую очередь со спецификой предоставляемых налоговых льгот по данному налогу, которые характеризуются комплексным характером. Налогоплательщик может использовать одновременно несколько налоговых льгот по разным налогам, а именно: по НДД (в части освобождения от уплаты минимального налога), НДПИ и налогу на прибыль организаций. Комплексный характер заключается в следующем. Во-первых, согласно налоговому законодательству величины уплаченных НДД и НДПИ напрямую зависят от механизма уплаты каждого из налогов. Налогоплательщик, который исчисляет НДД на определенном участке недр, может использовать налоговые льготы по НДПИ. Во-вторых, перечень и размер налоговых льгот определяются исходя из объекта налогообложения НДД. Кроме того, некоторые категории налогоплательщиков могут не уплачивать даже минимальную сумму НДД, а сумму уже исчисленного НДПИ уменьшить на величину налогового вычета. Необходимо также отметить, что суммы НДД и НДПИ уменьшают налоговую базу по налогу на прибыль организаций. Таким образом, данные налоговые льготы следует рассматривать в качестве системы льгот в рамках одного преференциального налогового режима исходя из объекта налогообложения НДД.

3. В 2020 году был принят Федеральный закон «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации», который регулирует отношения, возникающие в связи с осуществлением инвестиций на основании соглашения о защите и поощрении капиталовложений (далее – СЗПК)¹¹. Данный механизм подразумевает заключение соглашения между организацией и публично-правовым образованием о реализации инвестиционного проекта. Законом установлен перечень видов деятельности, на которые не могут распространяться условия соглашения. Это, в частности, игорный бизнес, производство табачных изделий, алкогольной продукции, добыча сырой нефти и природного газа, финансовая деятельность. В рамках СЗПК действует стабилизационная оговорка, то есть в отношении организации, реализующей проект, не могут применяться акты правового регулирования, ухудшающие

¹¹ О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон от 01.04.2020 № 69-ФЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/564566808> (дата обращения: 10.07.2023).

условия ведения деятельности. Сроки действия такой оговорки напрямую зависят от объемов капиталовложений. Так, если объем инвестиций составляет 10–15 млрд рублей, то срок применения составляет 15 лет.

В 2022 году в налоговое законодательство были внесены изменения в части применения главы 3.6 «Особенности налогообложения при реализации соглашений о защите и поощрении капиталовложений», в рамках которой вводится новое понятие – «налоговый вычет для СЗПК»¹². Налогоплательщик – участник СЗПК, одна из сторон которого, а именно Российская Федерация, вправе уменьшать подлежащие уплате в бюджеты бюджетной системы страны суммы налогов (авансовых платежей по налогам) на налоговые вычеты в размере фактически осуществленных затрат на капитальные вложения. Налогоплательщиком – участником СЗПК может быть уменьшена сумма налога на прибыль, налога на имущество организаций, земельного налога на величину налогового вычета.

Таким образом, режим СЗПК обладает ключевыми характеристиками ИНЛ – наличием соглашения и ограничения на определенные виды деятельности, поэтому необходимо рассмотреть возможность его включения в перечень преференциальных налоговых режимов.

4. Следует отметить, что в Перечень ИНЛ не включены налоговые льготы, предоставляемые в рамках механизма ускоренной амортизации для ряда преференциальных налоговых режимов. Механизм ускоренной амортизации – это один из налоговых инструментов, активно используемых как в России, так и в других странах. Данная налоговая льгота является разновидностью инвестиционного налогового стимула, используя который компании могут списывать капитальные затраты за более короткий период, тем самым снижая налоговую базу по налогу на прибыль организаций. Налоговым законодательством (ст. 259 Налогового кодекса Российской Федерации¹³) предусмотрено применение специальных коэффициентов к норме амортизации резидентами ОЭЗ промышленно-производственного типа и участниками СПИК.

Все вышеуказанные налоговые льготы являются налоговыми расходами для бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, а кроме того, их использование снижает общую налоговую нагрузку на налогоплательщика. Исходя из этого, важно учитывать объемы льгот при анализе и оценке эффективности применения преференциальных режимов. В качестве рекомендации: следует расширить Перечень ИНЛ по налогу на прибыль, используемых в рамках преференциальных налоговых режимов ОЭЗ, СПИК, включив в режим/перечень ускоренную амортизацию.

По данным, представленным на рисунке 7, налоговые расходы, возникающие в связи с применением преференциальных налоговых режимов и отдельных ИНЛ, в 2021 году составили около 13 % в общем объеме налоговых расходов. По прогнозам Минфина России, объем таких расходов до 2025 года существенно изменится и возрастет до уровня 23–24 %.

¹² О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон от 28.06.2022 № 225-ФЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/350921928> (дата обращения: 10.09.2023).

¹³ Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть вторая [Электронный ресурс]: Федер. закон от 05.08.2000 № 117-ФЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901765862> (дата обращения: 01.09.2023).

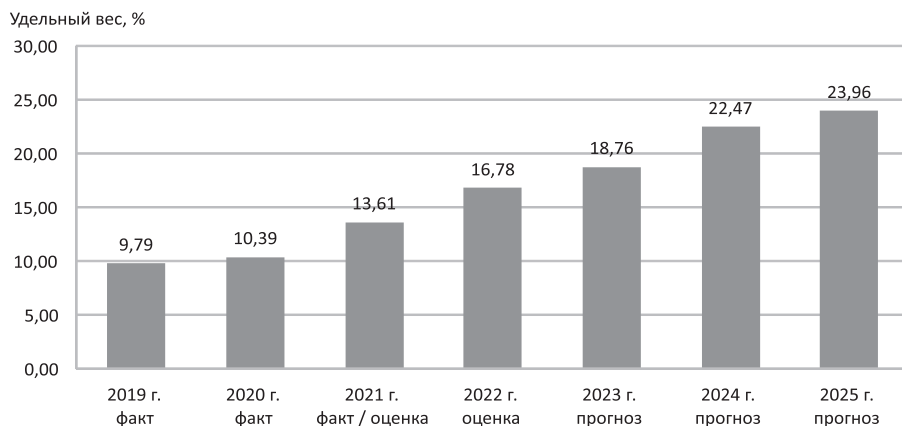

Рис. 7. Удельный вес суммы налоговых расходов (в связи с предоставлением ИНЛ) в общем объеме налоговых расходов, % / Fig. 7. Share of the amount of tax expenditures related to the provision of investment tax incentives in the total amount of tax expenditures, %

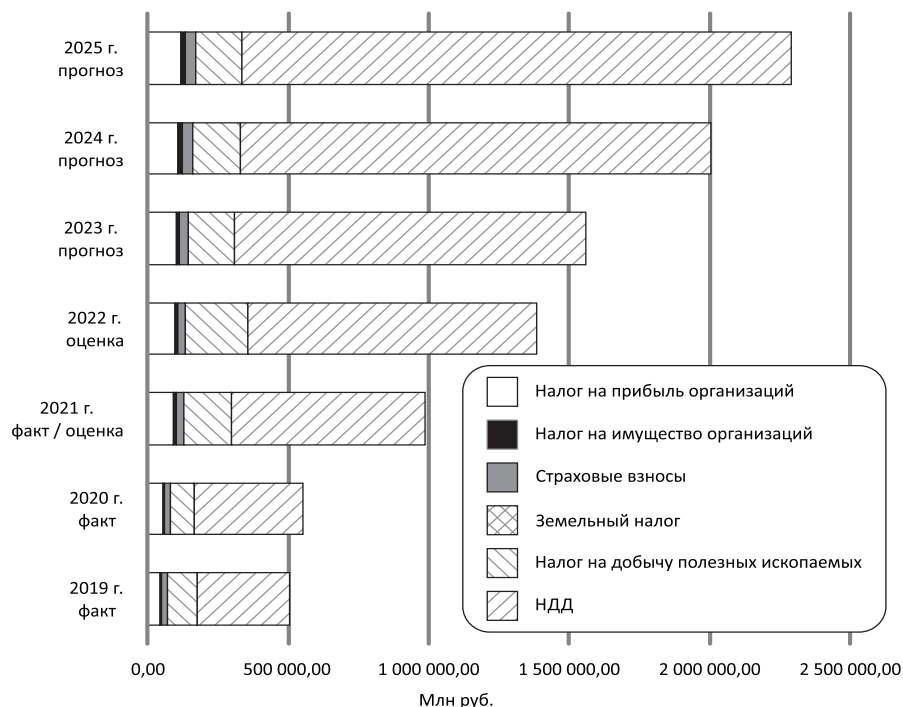

Рис. 8. Распределение сумм налоговых расходов (в связи с предоставлением ИНЛ) по видам налогов / Fig. 8. Distribution of tax expenditures in connection with the provision of investment tax benefits, by types of taxes

Примечание: в 2024 и 2025 годах от суммы налоговых расходов, возникших в результате применения преференциального режима НДД, не вычиталась сумма ввозных таможенных пошлин ввиду отсутствия данных о величине налоговых расходов в связи с освобождением от уплаты ввозной таможенной пошлины.

Как видно на рисунке 8, основная доля недопоступлений в связи с применением ИНЛ приходится на налог на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья и НДС. В 2021 году объем недопоступлений по НДС превысил значение в 1253 млрд рублей. По прогнозам Минфина России, с 2022 года сумма налоговых расходов начнет снижаться и в 2025 году составит 917,9 млрд рублей. На втором месте – суммы налоговых расходов по налоговым льготам по НДС: в 2021 году их величина составляла 689 млрд рублей.

Таким образом, объемы налоговых расходов, возникающих в результате использования ИНЛ, имеют существенный удельный вес в объемах недополученных налоговых доходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации. Свыше 90 % налоговых расходов в 2021 году приходилось на налогоплательщиков, ведущих деятельность в секторе добычи полезных ископаемых. На преференциальные налоговые режимы, в рамках которых не предусмотрена деятельность по добыче полезных ископаемых, в целом приходилось менее 3 % инвестиционных налоговых расходов в общем объеме.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, анализ инвестиционных налоговых льгот, используемых в России, позволил выявить следующие ключевые особенности:

1. Большая часть ИНЛ предоставляется налогоплательщикам системно, в рамках преференциального налогового режима, применение которого предполагает использование сразу нескольких ИНЛ по различным налогам, например НДС, налог на прибыль организаций, налог на имущество организаций. В этой связи анализ и оценка эффективности на уровне налогоплательщика должны проводиться с учетом всех используемых им ИНЛ.

2. Применение большинства преференциальных налоговых режимов подразумевает обязанность налогоплательщика реализовать определенный объем инвестиций взамен на возможность использовать ИНЛ, в ряде случаев величина льготы ограничена объемом капитальных вложений. Между налогоплательщиком и уполномоченным государственным органом заключается соглашение, в рамках которого могут устанавливаться следующие параметры: размер капитальных вложений, вид экономической деятельности, количество новых рабочих мест, средняя заработная плата работников.

3. Существенная доля ИНЛ характеризуется наличием ограничений по виду экономической деятельности, то есть по своей сути данные льготы являются вертикальными, направленными на поддержку налогоплательщиков, ведущих деятельность в определенных отраслях реального сектора экономики. При этом в целом можно сказать, что часть льгот нацелена на поддержку только отрасли добычи, а другая часть этот вид деятельности исключает.

4. ИНЛ чаще всего обладают региональной спецификой, то есть предоставляются на территории конкретного субъекта Российской Федерации.

Важно также отметить, что большинство инвестиционных налоговых льгот обладают характеристиками, которые выделяют в трудах ОЭСР, а именно:

1) целевым характером. Большинство рассмотренных выше налоговых льгот являются вертикальными, то есть предоставляются определенным категориям налогоплательщиков;

2) сокращением налоговой нагрузки налогоплательщика и возникновением в результате их использования налоговых расходов государства. В России с 2018 года ведется активная работа по анализу и оценке величины налоговых расходов, возникающих в связи с предоставлением ИНЛ;

3) стимулированием инвестиционной активности. Большинство рассмотренных инвестиционных налоговых льгот предоставляются в обмен на определенные обязательства по осуществлению инвестиций.

Однако в Перечне ИНЛ присутствует и горизонтальная инвестиционная налоговая льгота – инвестиционный налоговый вычет, которым имеют право воспользоваться все налогоплательщики при условии соблюдения требований налогового и регионального законодательства. При этом налоговые льготы могут быть направлены не только на стимулирование инвестиционной активности, но и на достижение других целей экономической политики – например, на стимулирование добычи полезных ископаемых.

В результате анализа гипотеза исследования частично подтвердилась, так как, с одной стороны, большинство инвестиционных налоговых льгот, применяемых в России, обладают особенностями, описанными в трудах ОЭСР, с другой стороны, используемые льготы более многообразны.

Список источников

Булатова Ю. И. Анализ предоставляемых в России налоговых льгот и субсидий для поддержки частных инвестиций // Экономика и предпринимательство. 2021. № 8. С. 1104–1109. <https://doi.org/10.34925/EIP.2021.133.8.212>.

Громов В. В. Оценка комплементарности льготных налоговых режимов Сахалинской области // Финансовый журнал. 2023. Т. 15, № 3. С. 41–58. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2023-3-41-58>.

Ильина В. В. Особые экономические зоны и действующие налоговые льготы: перспективы развития [Электронный ресурс] // Экономика. Бизнес. Финансы. 2021. № 2. С. 10–15. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44835524_98070199.pdf (дата обращения: 25.11.2023).

Какаулина М. О., Горлов Д. Р. Оценка влияния налоговых льгот на инвестиционную активность в особых экономических зонах Российской Федерации // Journal of Applied Economic Research. 2022. Т. 21, № 2. С. 282–324. <https://doi.org/10.15826/vestnik.2022.21.2.011>.

Конищева Т. И. Модернизация механизма управления ОЭЗ в условиях цифровой экономики // Финансовая экономика. 2021. № 10. С. 51–53. <https://doi.org/10.25997/FIE.2021.93.10.002>.

Микулин А. И. Территория деятельности как критерий для применения налоговых льгот резидентами ОЭЗ [Электронный ресурс] // Налоговед. 2023. № 4. С. 43–50. URL: <https://e.nalogoved.ru/1022578> (дата обращения: 21.11.2023).

Пансков В. Г. К вопросу о сущности понятия «Налоговая льгота» // Финансы. 2023. № 1. С. 21–28.

Пономарева К. А. Инвестиционные налоговые льготы в Китае: особенности правового регулирования и сравнительный анализ с российскими практиками // *Правоприменение*. 2022. Т. 6, № 3. С. 80–93. [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6\(3\).80-93](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6(3).80-93).

Плотникова А. П. Сравнительно-географическая характеристика комплексных ОЭЗ/СЭЗ в России и их влияние на экономику региона // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки*. 2022. № 1. С. 57–72.

Салех К. С. Значение особых экономических зон (ОЭЗ) и их цифровизация // *Финансовый бизнес*. 2022. № 3. С. 133–135.

Сердюкова Н. В. Оценка бюджетной эффективности налоговых льгот // *Налоговая политика и практика*. 2023. № 2. С. 68–71.

Федосимов Б. А. Основные направления разработки правовых средств повышения эффективности налоговых льгот // *Финансовое право*. 2021. № 8. С. 43–48. <https://doi.org/10.18572/1813-1220-2021-8-43-48>.

Фролова Ю. С., Купрещенко Н. П. ОЭЗ: от налоговых преференций к решению задач сбалансированного пространственного развития России // *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2023. Т. 2, № 5. С. 244–250. <https://doi.org/10.36871/ek.ur.p.r.2023.05.02.036>.

Шаталов С. Д. Подходы к оценке эффективности налоговых льгот в зарубежных странах // *Наступившее будущее: новые форматы, смыслы и сущности образования: сб. материалов XX Междунар. науч.-практич. конф.* / Под. ред. М. В. Сиговой. СПб: Междунар. банк. ин-т имени Анатолия Собчака, 2022. С. 150–154.

Эляков А. Л. Экономико-правовое обоснование совместного создания особой экономической зоны (ОЭЗ) на территориях Российской Федерации // *Евразийский юридический журнал*. 2022. № 10. С. 266–271.

Appelt S., Bajgar M., Criscuolo Ch. et al. R&D tax incentives: Evidence on design, incidence and impacts // *OECD Science, Technology and Industry Policy Papers*. 2016. № 32, 43 p. <https://doi.org/10.1787/5jlr8fldqk7j-en>.

Auerbach A. J., Hassett K. Recent U.S. investment behavior and the tax reform act of 1986: A disaggregate view // *Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy*. 1991. Vol. 35, № 1. P. 185–216. [https://doi.org/10.1016/0167-2231\(91\)90024-Y](https://doi.org/10.1016/0167-2231(91)90024-Y).

Botman D., Klemm A., Baqir R. Investment incentives and effective tax rates in the Philippines: A comparison with neighboring countries // *Journal of the Asia Pacific Economy*. 2010. Vol. 15, № 2. P. 166–191. <https://doi.org/10.1080/13547861003700299>.

Celani A., Dressler L., Wermelinger M. Building an investment tax incentives database: Methodology and initial findings for 36 developing countries // *OECD Working Papers on International Investment*. 2022. № 2022/01. 65 p. <https://doi.org/10.1787/62e075a9-en>.

Chai J., Goyal R. Tax concessions and foreign direct investment in the Eastern Caribbean Currency Union // *IMF Working Papers*. 2008. № 2008/257. 33 p.

Cohen D., Cummins J. G. A retrospective evaluation of the effects of temporary partial expensing // *Finance and Economics Discussion Series (FEDS)*. 2006. Vol. 19. P. 1–25. <https://doi.org/10.17016/FEDS.2006.19>

Cummins J. G., Hassett K. A., Hubbard R. G. et al. A reconsideration of investment behavior using tax reforms as natural experiments // *Brookings Papers on Economic Activity*. 1994. Vol. 1994, № 2. P. 1–74. <https://doi.org/10.2307/2534654>.

Desai M. A., Goolsbee A. Investment, overhang, and tax policy // *Brookings Papers on Economic Activity*. 2004. Vol. 2004, № 2. P. 285–355. <https://doi.org/10.1353/eca.2005.0004>.

Edgerton J. Investment incentives and corporate tax asymmetries // *Journal of Public Economics*. 2010. Vol. 94, № 11–12. P. 936–952. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2010.08.010>.

Gaessler F., Hall B. H., Harhoff D. Should there be lower taxes on patent income? // *NBER Working Paper Series*. 2018. № w24843. 52 p. <https://doi.org/10.3386/w24843>.

Guceri I., Liu L. Effectiveness of fiscal incentives for R&D: Quasi-experimental evidence // *American Economic Journal: Economic Policy*. 2019. Vol. 11, № 1. P. 266–291. <https://doi.org/10.1257/pol.20170403>.

Hall B. Tax policy for innovation, national bureau of economic research // *NBER Working Paper Series*. 2019. № w25773. 42 p. <https://doi.org/10.3386/w25773>.

House Ch. L., Shapiro M. D. Temporary investment tax incentives: Theory with evidence from bonus depreciation // *American Economic Review*. 2008. Vol. 98, № 3. P. 737–768. <https://doi.org/10.1257/aer.98.3.737>.

Klemm A., Van Parys S. Empirical evidence on the effects of tax incentives // *International Tax and Public Finance*. 2012. Vol. 19, № 3. P. 393–423. <https://doi.org/10.1007/s10797-011-9194-8>.

Lixun Y. On the exploration and practice of social construction in Shenzhen in the last 30 years // *Studies on China's special economic zones 3. Research Series on the Chinese dream and China's development path* / Ed. by Y. Yuan. Singapore: Springer, 2020. P. 47–57. https://doi.org/10.1007/978-981-13-9841-4_4.

Wiedemann V., Finke K. Taxing investments in the Asia-Pacific region: The importance of cross-border taxation and tax incentives // *ZEW Discussion Paper*. 2015. № 15-014. 32 p.

Yuan Y., Lei H. The poverty reduction effect of China's special economic zones – Case study of Shenzhen // *Studies on China's special economic zones 3. Research Series on the Chinese dream and China's development path* / Ed. by Y. Yuan. Singapore: Springer, 2020. P. 1–20. https://doi.org/10.1007/978-981-13-9841-4_1.

Zwick E., Mahon J. Tax policy and heterogeneous investment behavior // *American Economic Review*. 2017. Vol. 107, № 1. P. 217–248. <https://doi.org/10.1257/aer.20140855>.

Информация об авторах

М. Р. Пинская – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры налогов и налогового администрирования Факультета налогов, аудита и бизнес-анализа ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», 125167, Россия, Москва, пр-т Ленинградский, 49/2; руководитель Центра налоговой политики ФГБУ «Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации», 125375, Россия, г. Москва, Настасьинский пер., 3/2

SPIN-код (РИНЦ): 6914-8695
 AuthorID (РИНЦ): 408746
 Web of Science ResearcherID: AAF-9477-2020
 Scopus Author ID: 56436461900

Ю. А. Стешенко – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра налоговой политики ФГБУ «Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации», 125375, Россия, г. Москва, Настасьинский пер., 3/2

SPIN-код (РИНЦ): 5766-0571
 AuthorID (РИНЦ): 809352
 Web of Science ResearcherID: AAC-2856-2021
 Scopus Author ID: 57209745514

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 04.12.2023; одобрена после рецензирования 12.02.2024; принята к публикации 12.02.2024.

References

Bulatova, Yu. I. (2021), "Analysis of tax benefits and subsidies provided in Russia to support private investment", *Journal of Economy and Entrepreneurship*, no. 8, pp. 1104–1109, <https://doi.org/10.34925/EIP.2021.133.8.212>

Gromov, V. V. (2023), "Assessing the complementarity of preferential tax regimes in the Sakhalin region", *Financial Journal*, vol. 15, no. 3, pp. 41–58, <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2023-3-41-58>. Ilina, V. V. (2021), "Special economic zones and existing tax incentives: Development prospects", *Economy. Business. Finance*, no. 2, pp. 10–15 [Online], available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44835524> (Accessed Nov. 25, 2023).

Kakaulina, M. O. and Gorlov, D. R. (2022), "Assessment of the impact of tax incentives on investment activity in special economic zones of the Russian Federation", *Journal of Applied Economic Research*, vol. 21, no. 2, pp. 282–324, <https://doi.org/10.15826/vestnik.2022.21.2.011>.

Konishcheva, T. I. (2021), "Modernization of the SEZ management mechanism in the conditions of the digital economy", *Financial Economy*, no. 10, pp. 51–53, <https://doi.org/10.25997/FIE.2021.93.10.002>.

Mikulin, A. I. (2023), "The territory of a business as a criterion for tax benefits to be applied by residents of special economic zones", *Nalogoved*, no. 4, pp. 43–50 [Online], available at: <https://e.nalogoved.ru/1022578> (Accessed Nov., 21, 2023).

Panskov, V. G. (2023), "The question of the essence of the concept of "tax benefit", *Finance*, no. 1, pp. 21–28.

Ponomareva, K. A. (2022), "Investment tax benefits in China: Features of legal regulation and comparative analysis with Russian practices", *Law Enforcement Review*, vol. 6, no. 3, pp. 80–93, [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6\(3\).80-93](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6(3).80-93).

Plotnikova, A. P. (2022), "Comparative geographical characteristics of multi-activity SEZ in Russia and their impact on the regional economy", *IKBFU's Vestnik. Series: Natural and Medical Sciences*, no. 1, pp. 57–72.

Salekh, K. S. (2022), "The significance of special economic zones (SEZ) and their digitalization", *Financial business*, no. 3, pp. 133–135.

Serdyukova, N. V. (2023), "Assessing the budgetary effectiveness of tax benefits", *Nalogovaya politika i praktika*, no. 2, pp. 68–71.

Fedosimov, B. A. (2021), "The main area of the development of legal means of raising the efficiency of tax benefits", *Financial Law*, no. 8, pp. 43–48, <https://doi.org/10.18572/1813-1220-2021-8-43-48>.

Frolkova, Yu. S. and Kupreschenko, N. P. (2023), "SEZ: From tax preferences to addressing the challenges of balanced spatial development in Russia", *Economics and Management: Problems, Solutions*, vol. 2, no. 5, pp. 244–250, <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2023.05.02.036>.

Shatalov, S. D. (2022), "Approaches to assessing the effectiveness of tax incentives in foreign countries", in Sigova, M. V. (ed.), *Nastupivshee budushchee: novye formaty, smysly i sushchnosti obrazovaniya: sbornik materialov XX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [The upcoming future: New formats, meanings and essence of education: Proceedings of XX International scientific and practical conference], International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak, St. Petersburg, Russia, pp. 150–154.

Elyakov, A. L. (2022), "Economic and legal justification for the joint creation of a special economic zone (SEZ) in the territories of the Russian Federation", *Eurasian Law Journal*, no. 10, pp. 266–271.

Appelt, S., Bajgar M., Criscuolo Ch. et al. (2016), "R&D tax incentives: Evidence on design, incidence and impacts", *OECD Science, Technology and Industry Policy Papers*, no. 32, 43 p., <https://doi.org/10.1787/5jlr8fldqk7j-en>.

Auerbach, A. J. and Hassett, K. (1991), "Recent U.S. investment behavior and the tax reform act of 1986: A disaggregate view", *Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy*, vol. 35, no. 1, pp. 185–216, [https://doi.org/10.1016/0167-2231\(91\)90024-Y](https://doi.org/10.1016/0167-2231(91)90024-Y).

Botman, D., Klemm, A. and Baqir, R. (2010), "Investment incentives and effective tax rates in the Philippines: A comparison with neighboring countries", *Journal of the Asia Pacific Economy*, vol. 15, no. 2, pp. 166–191, <https://doi.org/10.1080/13547861003700299>.

Celani, A., Dressler, L. and Wermelinger, M. (2022), "Building an investment tax incentives database: Methodology and initial findings for 36 developing countries" *OECD Working Papers on International Investment*, no. 2022/01, 65 p., <https://doi.org/10.1787/62e075a9-en>.

Chai, J. and Goyal, R. (2008), "Tax concessions and foreign direct investment in the Eastern Caribbean Currency Union", *IMF Working Papers*, no. 2008/257, 33 p.

Cohen, D. and Cummins, J. G. (2006), "A retrospective evaluation of the effects of temporary partial expensing", *Finance and Economics Discussion Series*, vol. 19, pp. 1–25, <https://doi.org/10.17016/FEDS.2006.19>.

Cummins, J. G., Hassett, K. A., Hubbard, R. G. et al. (1994), "A reconsideration of investment behavior using tax reforms as natural experiments", *Brookings Papers on Economic Activity*, vol. 1994, no. 2, pp. 1–74, <https://doi.org/10.2307/2534654>.

Desai, M. A. and Goolsbee, A. (2004), "Investment, overhang, and tax policy", *Brookings Papers on Economic Activity*, vol. 2004, no. 2, pp. 285–355, <https://doi.org/10.1353/eca.2005.0004>.

Edgerton, J. (2010), "Investment incentives and corporate tax asymmetries", *Journal of Public Economics*, vol. 94, no. 11–12, pp. 936–952, <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2010.08.010>.

Gaessler, F., Hall, B. H. and Harhoff, D. (2018), "Should there be lower taxes on patent income?", *NBER Working Paper Series*, no. w24843, 52 p., <https://doi.org/10.3386/w24843>.

Guceri, I. and Liu, L. (2019), "Effectiveness of fiscal incentives for R&D: Quasi-experimental evidence", *American Economic Journal: Economic Policy*, vol. 11, no. 1, pp. 266–291, <https://doi.org/10.1257/pol.20170403>.

Hall, B. (2019), "Tax policy for innovation, national bureau of economic research", *NBER Working Paper Series*, no. w25773, 42 p., <https://doi.org/10.3386/w25773>.

House, Ch. L. and Shapiro, M. D. (2008), "Temporary investment tax incentives: Theory with evidence from bonus depreciation", *American Economic Review*, vol. 98, no. 3, pp. 737–768, <https://doi.org/10.1257/aer.98.3.737>.

Klemm, A. and Van Parys, S. (2012), "Empirical evidence on the effects of tax incentives", *International Tax and Public Finance*, vol. 19, no. 3, pp. 393–423, <https://doi.org/10.1007/s10797-011-9194-8>.

Lixun, Y. (2020), "On the exploration and practice of social construction in Shenzhen in the last 30 years", in Yuan, Y. (ed.), *Studies on China's special economic zones 3. Research Series on the Chinese dream and China's development path*, Springer, Singapore, pp. 47–57, https://doi.org/10.1007/978-981-13-9841-4_4.

Wiedemann, V. and Finke, K. (2015), "Taxing investments in the Asia-Pacific region: The importance of cross-border taxation and tax incentives", *ZEW Discussion Paper*, no. 15-014, 32 p.

Yuan, Y. and Lei, H. (2020), "The poverty reduction effect of China's special economic zones – Case study of Shenzhen", in Yuan, Y. (ed.), *Studies on China's special economic zones 3. Research Series on the Chinese dream and China's development path*, Springer, Singapore, pp. 1–20, https://doi.org/10.1007/978-981-13-9841-4_1.

Zwick, E. and Mahon, J. (2017), "Tax policy and heterogeneous investment behavior", *American Economic Review*, vol. 107, no. 1, pp. 217–248, <https://doi.org/10.1257/aer.20140855>.

Information about the authors

M. R. Pinskaya – Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Taxes and Tax Administration, Faculty of Taxes, Audit and Business Analysis, Financial University under the Government of the Russian Federation, 49/2 Leningradsky Ave., Moscow, 125167, Russia; Head of the Tax Policy Center, Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation, 3/2 Nastasinsky Lane, Moscow, 125375, Russia

SPIN-code (RSCI): 6914-8695

AuthorID (RSCI): 408746

Web of Science ResearcherID: AAF-9477-2020

Scopus Author ID: 56436461900

Yu. A. Steshenko – Candidate of Economics, Senior Research of the Tax Policy Center, Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation, 3/2 Nastasinsky Lane, Moscow, 125375, Russia

SPIN-code (RSCI): 5766-0571

AuthorID (RSCI): 809352

Web of Science ResearcherID: AAC-2856-2021

Scopus Author ID: 57209745514

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 04.12.2023; approved after reviewing 12.02.2024; accepted for publication 12.02.2024.